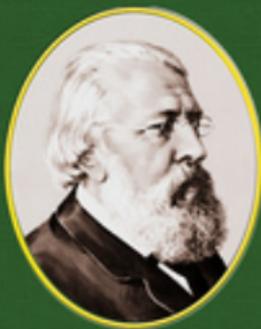

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

**По поводу статьи
г. Антоновича «Суемудрие
„Дня“»**

«Давно уже ничему мы так серьезно не радовались, как появлению в печати, в октябрьской книжке «Современника», статьи г. Антоновича, под названием: «Суемудрие „Дня“». Сама статья не представляет в себе ничего серьезного; напротив, она преисполнена неумышленного комизма, и мы смело рекомендуем ее всем нашим читателям: она доставит им много веселых минут. Мы охотно бы даже, для их забавы, перепечатали ее на столбцах нашего журнала, если б она не была так велика...»

Иван Сергеевич Аксаков
По поводу статьи
г. Антоновича «Суемудрие
„Дня“»

Давно уже ничему мы так серьезно не радовались, как появлению в печати, в октябрьской книжке «Современника», статьи г. Антоновича, под названием: «Суемудрие „Дня“». Сама статья не представляет в себе ничего серьезного; напротив, она преисполнена неумышленного комизма, и мы смело рекомендуем ее всем нашим читателям: она доставит им много веселых минут. Мы охотно бы даже, для их забавы, перепечатали ее на столбцах нашего журнала, если б она не была так велика. Нет, серьезная сторона этой статьи заключается в самом факте появления ее в печати. Слава Богу, подумали мы, прочитав трактат г. Антоновича, наконец-то настало у нас в России время, когда можно безбоязненно быть искренним в выражении своего мнения, можно не лгать и не лицемерить; наконец-то выползет ложь из темных нор своих на свет Божий и объявится людям во всей правде своего безобразия. Г. Антонович не удивится, конечно, что мы с нашей точки зрения считаем его мнения ложью; тем же именем честит он и так называемую славянофильскую проповедь. Мы тому-то и радуемся,

что наступает наконец пора, когда можно будет нам бороться с нашими противниками открыто, ясно, без намеков, двусмыслий, индифферентности, одинаковым, равным оружием мысли и слова, не опасаясь вмешательств полиции, называя вещи прямо по имени. Едва ли кто, при защите своих убеждений, терпел более от цензурной строгости, чем писатели славянофильского направления; никто более нас не испытывал той неловкости, того неудобства, в которое ставит истину непрощенная помощь грубой внешней силы, полицейское вторжение в область духа. Мы исповедуем, по свободному искреннему убеждению, такие начала, которые, по-видимому, тождественны с началами, признаваемыми официальною властью, покровительствуемыми государством, защищаемыми всею его тяжелою мощью и потому исповедуемыми целюю массою людей – лицемерно, из корысти, из лести, из страха. Но, во-первых, признавая эти начала истинными в их отвлеченности, мы отвергаем в большей части случаев всякую солидарность с их проявлением в русской современной действительности, с

их русскою практикою; во-вторых, самое наше понимание этих начал и выводы, из них нами делаемые, нередко совершенно отличны от официального их толкования и от тех выводов, которые извлекают из них официальные ведомства. Возьмем, например, православие.

Исповедуя открыто его святую истину, мы не могли однако же высказывать эту исповедь во всей полноте, и Хомяков, которого богословские сочинения составляют дорогое достояние православного мира, вынужден был писать их на иностранных языках и печатать за границей. Его брошюры были долго запрещены к привозу и к переводу на русский язык потому только, что в них раскрывалось истинное учение православной церкви об ее отношениях к государству; между тем в русской литературе, упоминая о православии без подробных пояснений, мы подавали повод нашим многочисленным врагам уверять публику, будто мы признаем правильною всю ту аномалию, какая существует до сих пор в этих отношениях. Все злоупотребления церковного управления, не только получившего,

со времен Петра, вполне государственную организацию, но и принявшего, так сказать, внутрь себя элемент государственный, были врагами церкви и православия умышленно приписываемы самой церкви и смешиваемы с самим православием, — отчего не мало отторглось от него, конечно тайно, а не официально, душ горячих и чистых, которым эти злоупотребления были ненавистны и которые были лишены возможности приобрести истинное понятие о православном учении. Выработать же для общества эти истинные понятия среди путаницы противоречащих идей и явлений, которыми так богата наша общественная жизнь, выяснить идеал церкви во всей его чистоте не было никакой возможности при существовавших цензурных правилах и приходилось, волей-неволей, в деле святой веры, в деле Божьей правды прибегать к косвенным намекам и обиньякам: а это, в свою очередь, подавало повод к недоразумениям и со стороны противников, и со стороны официальных защитников церкви. Таким образом, эта официальная поддержка веры со стороны государства имела конечным своим

результатом только оскудение искреннего русского слова в защиту веры, только затемнение в сознании русского общества понятий о православии как учении и как церкви, то есть как в живом организме, и отпадение от православия значительной части молодых душ и молодых сил.

Мы указали на одну сторону вреда, происходящего для самой христианской истины от полицейского ее ограждения в области мысли и слова, от полицейского досмотра совести общественной и частной. Другая сторона вреда заключалась в том, что противники этих истин и проповедники лжи постоянно ускользали от всякой полемики, прикрываясь невозможностью защищаться, прикидываясь лежачими. Не имея сил опровергнуть аргументацию статей славянофильского направления, антагонисты наши прибегали всегда к следующей уловке: «Вам удобно проповедовать ваше учение, вы за него не подвергнетесь ответственности, – говорили они, зная очень хорошо, в какой мере это справедливо и как стеснены были мы сами в выражении своих мыслей: оно не идет вразрез с казен-

ным мирозерцанием, оплачиваемым государственною казною и поддерживаемым государственною нежною дланью; мы бы могли разбить в пух ваши доводы, но мы вынуждены молчать под страхом полицейских и уголовных казней, – и потому вы нападаете на беззащитных». В сущности эти слова были не более как уловкой для избежания спора, были чистой неправдой: ложь, пользуясь явным отвращением честных своих противников нападать на безоружного, имела несравненно больше возможности, чем сама истина, проникать в общественное сознание и захватывать себе место в умах молодежи: полуслова, полунамеки, условный смысл выражений, все эти приемы только еще более дразнили любопытство, раздражали вкус, уснащали самую грубую пресную ложь какою-то заманчивою пряностью и доставляли ей торжество над истинною, естественно гнушавшеюся и этих нечистых приемов, и этих кривых, окольных путей. Поэтому едва ли кто, для блага самой истины, ревностнее, пламеннее славянофилов желал, призывал, отстаивал свободу мысли и слова. Так как г. Антонович

выдает, в своем «Суемудрии», Хомякова за отъявленного врага этой свободы, то мы позволяем себе напомнить ему статью этого писателя, которую «День» открыл свое поприще с лишком 4 года тому назад, – статью, в которой Хомяков требует для науки полнейшей «свободы мнения и сомнения». «Без этой свободы, – говорит он, – наука лишается всякого уважения и достоинства: ей нужна откровенная смелость, которая лучше всего предотвращает тайную дерзость».

Этою-то тайною дерзостью, вместе с выражениями низкой лести и явного лицемерия в отношении политическом и религиозном, была наводнена наша литература до самого последнего времени. Новое Положение о печати, при всем своем несовершенстве, уже видимо содействует к очищению нашей литературы, к водворению в ней правды и искренности. Торжество правды выражается уже в том, что ложь начинает приподнимать свой покров и является в той своей наготе, которая так благотворно мерзит каждому неиспорченному сердцу. Торжество правды состоит или будет состоять уже в том, что все нако-

нец, честно и искренно, не лицемеря, – обнаружат, где и на какой стороне, в области мнений и убеждений, они стоят, кто кому враг, с кем каждый имеет дело. Само собой разумеется, что только тогда эта свобода печати имеет смысл, когда выраженное, хотя бы и без цензуры, мнение не ведет за собою никаких последствий в гражданском смысле. Мы не видим, почему, например, человеку, искренно неверующему, нельзя было бы заявить об этом печатно, не подвергаясь суду или иного рода преследованиям? Что за дело государству до того, верит ли такой-то литератор или не верит в Бога, если он исполняет исправно все свои гражданские обязанности? Область совести не есть область государства: церковь может отлучить его от общения с собою, государство может, при выборе людей, не назначать его на такую должность, где образ мыслей имеет непосредственное участие; затем оно должно, напротив, способствовать тому, чтоб все эти мнения выставлялись на белый день, на общественную критику, чтоб они не уклонялись от полемики и не избегали явно-го поражения. Если страх наказания заставит

неверующего прикидываться, печатно и вообще публично, верующим, то от этого в убытке только сама истина, сама церковь, а не кто другой: обличение неверующего делается неудобным, потому что никому не хочется попасть в доносчики и подвергать человека уголовному взысканию за заблуждение мысли и совести, – а между тем прикрытая и огражденная маскою, ложь тем удобнее производит ту тайную, неуловимую пропаганду, которой не в состоянии помешать никакое правительство в мире. Еще недавно было в ходу постановление (мы думаем, что оно отменено, но не знаем наверное), что всякий православный чиновник обязан был непременно представлять своему начальству удостоверение в том, что он исповедывался и приобщался. Это отмечалось в формулярном списке, и за несоблюдение этого правила виновный подвергался строгим взысканиям, дурным аттестациям, а иногда и удалению от службы. Особенно ревностно наблюдали за исполнением со стороны подчиненных сих «требований службы» – начальники-служаки из немцев. Случалось не раз, что иной чест-

ный человек, придя к священнику, прямо объявлял ему, что он ни во что не верит, что ум его еще не озарен истиной, а до тех пор он кривить душой не намерен и потому предпочитает открыть ему правду, но что он, тем не менее, просит священника или приобщить его для виду, или же выдать «удостоверение». Такого человека следовало бы священнику немедленно отлучить от церкви, но может ли он решиться на это, имея в виду, что «отлучение» подвергнет отлучаемого преследованию полицейскому, разорит его, ввергнет в бедность его и его семейство. Отказать ему в удостоверении – ведет за собой те же последствия. К тому же этот человек поступил, по крайней мере, честно и несравненно лучше тех, которые, с меньшею серьезностью относясь к своим убеждениям и так же мало веруя, как и он, тем не менее лицемерно исполнили требуемый обряд для того, чтоб заслужить благоволение своего начальства. Спрашивается, что выиграла церковь и государство от такого умножения лицемеров, от такого преобилия кощунства и поругания святых?

За тем – пусть бдит и бодрствует истина. Пусть не дремлет на лоне квартальных и жандармом, пусть изоцряет свое оружие – оружие духа. Ей не страшна никакая ложь, ей оскорбительна всякая мысль о необходимости для ее защиты внешней грубой силы, ибо такая мысль обличает безверие в духовную силу истины. Не так же хрупка истина веры, истина православия, чтоб могла пугаться за свой божественный авторитет, за свою веко-жизненность – оттого, что какой-нибудь петербургский литературный люстих выступит против нее с своим дешевым балагурством! Но пусть и не люстих, не балагур, а пусть самые серьезные умы выступают во всеоружии знания и мысли против истины и вызывают, таким образом, на ее защиту самые лучшие духовные силы русской земли. Пусть не останется никаких недоразумений, никаких темных углов, где бы могла притаиться ложь, никакого убежища безверию за оградой «разума и науки»: и разум, и наука, в своей свободе, послужат наилучшим оружием для самой истины.

Не в той, конечно, мере, но в некоторой

мере может эта точка зрения быть применена и ко многим началам, о которых говорить в печати дело еще довольно щекотливое. Мы разумеем здесь преимущественно начала политические. Почему бы, например, нельзя было бы выражать своей мысли о преимуществах и неудобствах той или другой формы правления, – разумеется покуда эта мысль является как мнение, а не переходит в область действий, воспрещенных законом (например прокламаций, воззваний и т. д.)? Если, например, существующая у нас форма правления основана на недоразумениях, то и при безмолвии печати основание ее ненадежно; если же, как мы и думаем, она основана не на недоразумениях, а на отчетливом и ясном историческом сознании всего русского народа, то свободное обсуждение в печати даст только возможность этому народному сознанию обрести себе искренний, честный орган и в литературе. Благодаря стеснениям цензуры, например, русская политическая форма (как это было долго и с православием) менее всего имеет искренних, свободных, честных защитников в печати не почему иному, как потому,

что честный человек не желает сделаться предметом подозрения по своему прямодушию и подвергнуть сомнению независимость своих политических убеждений, – не желает нападать на тех, которые лишены права или имеют возможность прикинуться лишенными права – бороться с ним равным оружием.

Кажется, все это наконец начинает ясно сознаваться теперь и самим правительством. Остается желать, чтоб оно удержалось на той дороге, на которую так благородно вступило, и само вполне прониклось началами той системы, которая выразилась в новом законодательстве о печати. С этой точки зрения мы и радуемся появлению в печати статьи г. Антоновича; это подает нам надежду, что и для нас наконец откроется полная возможность без обиняков и иносказаний полемизировать с нашими антагонистами, в защиту православия и прочих наших политических и нравственных убеждений. Если бы было иначе, если бы, – да простит нам правительство такое дерзкое предположение, – сей самый «Современник» был затруднен в откровенном выражении своих мнений, в то самое время, как

он только что начинает быть честным, то есть откровенным, то в результате вышло бы, что мнения «Современника», – которые, будучи высказаны, являются теперь только забавными, приобрели бы, полувывысказываемые, несравненно больший авторитет в массе русского, еще до крайности легкомысленного общества, – а мнения, противоположные «Современнику», нашли бы неловким для себя нападать на сей, удостоенный преследования, журнал.

Вот какие мысли возбудило в нас чтение статьи г. Антоновича: «Суемудрие „Дня“»; к сожалению, сама статья, по своему крайнему ничтожеству, лишает нас возможности полемизировать с нею. Мы не говорим о добросовестности, – мы не простираем таких требований к «Современнику» вообще, а к г. Антоновичу тем менее, – но мы желали бы иметь дело с чем-нибудь... не столь неумным, чтоб выразиться приличнее. Пусть читатели судят сами. Пустившись, по поводу «Дня», в разглагольствия о славянофильстве, о деятельности Хомякова, Киреевских и К. Аксакова, он объявляет, что все они «весьма слабы в

мыслительном отношении, не понимают ничего из того, что исповедуют», что их «отличительная черта – историческое невежество», «тупость», «обскурантизм» и т. д. Выставляя себя резким противником основных начал славянофильского учения, г. Антонович говорит, что «славянофилы уважают православие единственно за то, что оно древне, существует издавна и несколько тысячелетий (??) сохраняется без изменений и без движения». Богу от него также достается, хотя, страха ради иудейска, он прячет его во множественном числе и под маленькою буквою. Впрочем, еще и прежде некоторые наши петербургские газеты проявили свой либерализм в том, что разжаловали Бога из большой буквы «Б» в маленькую «б»! Какие, однако, это серьезные, умные и храбрые люди – петербургские либералы! Не забавно ли было бы, читатель, если б государство выступило со всем своим громадным снарядам для защиты бедного Бога от г. Антоновича и ему подобных шутников? Не значило ли бы это палить ядрами по куропаткам?! Вот любопытный образчик понимания г. Антоновича, но, к чести его ума, мы хо-

тим лучше обвинить его просто в недобросовестности. Хомяков, требуя простора для науки, призывает в то же время русскую мысль к самостоятельной ее проверке и разработке.

Вот подлинные слова Хомякова, которые выписывает и сам автор «Суемудрия»: «Предоставим отчаянию некоторых западных людей, испуганных самоубийственным развитием рационализма, тупое и отчасти притворное презрение к науке. Мы должны принимать, сохранять и развивать ее во *всем* том *умственном просторе* (курсив у г. Антоновича), которого она требует, но в то же время постоянно подвергать ее своей собственной критике, просвещенной теми *высшими началами*, которые нам исстари заветованы *православием* наших предков». Это значит, выводит отсюда г. Антонович, что «уму предоставляется свобода только до тех пор, пока он покорен и предан этим началам, а если он, вместо старорусских начал, выработает свои самостоятельные начала, то свободу его нужно *пресечь*»!? «И действительно, – восклицает г. сотрудник „Современника“, – славянофилы готовы даже на «энергические внешние меры

для наказания отступников от древнеславянских начал: вот как узка свобода, предоставляемая славянофилами уму». Предоставляем самим читателям объяснить себе, каким логическим приемом сделал г. Антонович такой вывод из вышеприведенных слов Хомякова – того самого, который так решительно требовал для науки свободы мнения и сомнения, и перейдем к другому примеру. Но тут мы не можем извинить его даже недобросовестностью. По поводу наших слов о невозможности выделить идею православия из идеи русской народности, г. Антонович с наивною серьезностью, и на этот раз вполне добросовестно, обвиняет нас в мнении, будто православие есть вера национальная, свойственная только русскому народу. Нет, уверяет он и ссылается даже на «чин православия»: «православие есть вера католическая, а не исключительно русская»!! «Православие, – продолжает он, – стремится к тому, чтоб все народы объединить одною верою, но по учению славянофилов это невозможно, потому что, по их мнению, православие есть основной элемент русской народности: стало быть, другие наро-

ды не могут сделаться православными, потому что по природе своей не могут же обратиться в русских».

И затем г. Антонович начинает нам доказывать очень серьезно, что есть и другие народы православной веры, что греки никак, никак не могут стать совсем русскими: стало быть православие не есть элемент русской народности, в противном случае все народы, принимая православие, должны были бы обратиться в русских... Мы несколько раз перечитали эту страницу г. Антоновича, думая – не шутит ли он? На этот раз он даже не шутит. Он просто не понимает, что мы с таким же правом можем назвать православие неотделимым духовно-историческим элементом современной греческой народности; что определение православия шире народности, что оно есть образовательное начало в развитии того и другого племени. Он не заметил, на страницах нашей газеты, толков – едва ли даже не слишком частых – об единоверии с нами народов вовсе не русского происхождения! Ему приходится объяснить, что если бы, например, мы сказали, что основной элемент

внутреннего содержания г. Антоновича есть социализм, то это еще не значит, что нельзя стать социалистом, не ставши г. Антоновичем, не приобретя свойства, лик и духовную физиономию сего достойного сотрудника «Современника».

Довольно. Читатели понимают теперь, почему, при всем нашем желании, нет возможности вступить в спор с такими понятливыми противниками. Повторяем: для нас важен самый факт напечатания этой статьи, для нас важно, чтоб гг. Антоновичи высказывались как можно больше и безбоязненнее, чтобы всему русскому обществу объявилась их крайняя слабосильность, забавная безвредная дерзость и, во всяком случае замечательное, скудоумие.